

УДК 811.112.2:811.161.2–115: 316.46.058

Петлюченко Н. В.

КОНТРАСТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕЗИДЕНТСКОГО ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ И УКРАИНЫ

В настоящей статье представлены результаты контрастивного анализа президентского дискурса Германии и Украины, выполненного на материале инаугурационных речей президента Украины Петра Порошенко (7 июня 2014 г.) и президента Германии Йохима Гаука (23 марта 2012 г.). В статье рассмотрены статус президентского дискурса и его жанровые особенности, описаны компоненты харизматического имиджа президента, определены имиджевые харизматические контрасты в инаугурационных выступлениях президентов Германии и Украины.

Ключевые слова: президентский дискурс, инаугурационная речь, харизматический имидж.

Петлюченко Н. В. Контрастивна специфіка президентського харизматичного дискурсу Німеччини та України. – Стаття.

У статті представлено результати контрастивного аналізу президентського дискурсу Німеччини та України, що виконано на матеріалі інаугураційних промов президентів України та Німеччини – Петра Порошенка і Йохима Гаука. У статті розглянуто статус президентського дискурсу та його жанрові особливості, описано компоненти харизматичного іміджу президента, визначено іміджеві харизматичні контрасти в інаугураційних виступах президентів двох країн.

Ключові слова: президентський дискурс, інаугураційна промова, харизматичний імідж.

Petlyuchenko N. V. Contrastive features of charismatic presidential discourse of Germany and Ukraine. – Article.

The paper presents the results of a contrastive analysis of presidential discourse in Germany and Ukraine conducted using inaugural speeches delivered by the Presidents of Ukraine and Germany – Petro Poroshenko and Joachim Gauck. The article considers the status of presidential discourse and its genre specifics, describes the components of the presidential charismatic image, and establishes the image-building charismatic contrasts in the inaugural speeches of the Presidents of both countries.

Key words: presidential discourse, inaugural speech, charismatic image.

Актуальность выполненного исследования определяется тем, что президентский дискурс как разновидность политического дискурса [4; 5; 16; 17] представляет собой сложное многомерное образование, включающее в себя статусно-ролевую природу речевого поведения главы государства, преобладание серьезного модуса общения и социальную обязанность следовать стиливым требованиям официальной коммуникации, преобладание речевых ситуаций подготовленного устного выступления политика и пр. [Гаврилова, 1]. При этом президентская речь интерпретируется как политическое действие, поскольку глава государства как субъект речевого действия обладает широкими коммуникативными возможностями и его текст всегда опосредован через СМИ [там же]. Основными характеристиками дискурса президентства как политического института в государстве являются его стратегичность, всеобъемлемость и публичность [Коваль, 3]. Жанровое пространство президентского выступления варьирует от малых (приветствие, вступительное слово, поздравление) до крупных речевых форм (послание, прямая линия, ежегодное интервью) [10]. Особое место здесь занимает инаугурационная речь, с которой может выступать только президент и которая относится к тем жанрам президентского дискурса, для которых, в целом, характерно преобладание фатической составляющей коммуникации. Преобладание фатики обусловлено тем, что данный жанр входит в политический ритуал в качестве его важнейшей составляющей. Инаугурационное обращение президента однозначно маркирова-

но единичным адресантом, жестко привязано к определенному политическому событию, фиксировано во временном и пространственном плане [2; 6; 8; 9].

Целью настоящей статьи является контрастивный анализ президентского дискурса Германии и Украины, выполненный на материале инаугурационных речей президента Украины Петра Порошенко (7 июня 2014 г.) и президента Германии Йохима Гаука (23 марта 2012 г.), и определение его имиджевых харизматических особенностей.

Необходимо отметить, что в имидже президента государства эксплуатируется достаточно активно тема его *харизмы* или *харизматичности*, при этом важным является акцент на истинном или искусственном характере ее происхождения. Харизма по рождению, или *истинная харизма* – это вид харизмы, манифестирующийся, как правило, в переломные моменты развития социума и обладающий следующими признаками: наличием заложенных от природы уникальных способностей, революционно-креативным способом манифестации деятельности активности, готовностью к самопожертвованию в достижении цели, существованием личных стигмат, обаяния, бойцовским модусом поведения. *Искусственная харизма* только стремится к демонстрации наличия харизматических свойств, тождественных свойствам харизматика по рождению. Отличие искусственной харизмы от истинной состоит в том, что искусственный харизматик не обладает от рождения особыми свойствами (суггестия, пророческий, ораторский или полководческий дар и др.). В по-

литическом дискурсе важными являются такие черты харизмы, как *иррациональность*, *революционность* и *воодушевленность* [5].

Один из самых известных экспертов по лидерству в разных культурах Роберт Хаус совместно с коллегами в своей работе «*Personality and Charisma in the U.S. Presidency: A Psychological Theory of Leader Effectiveness*» исследовал бывших президентов США и попытался установить следующие возможные корреляции между президентским постом и наличием харизмы, а именно: (1) харизматические президенты могут иметь высокую потребность во власти, (2) харизматическое поведение может быть связано с эффективностью президента, (3) харизматическое поведение может быть больше присуще президентам последнего времени по отношению к президентам из ранних периодов времени. Исследование было выполнено в 1991 году, поэтому в выборку первоначально были включены 39 президентов США – от Дж. Вашингтона до Р. Рейгана. При этом, такие президенты, как Дж. Тайлер, М. Филлмор, Э. Джонсон, Ч. Артур и Дж. Форд, которые не были официально избраны на должность, не были включены в выборку. Два президента, У. Г. Гаррисон и Дж. Гарфилд, прослужившие в должности менее двух лет, также были исключены из выборки. Кроме того, действующий на тот момент президент Р. Рейган не был включен в выборку, поскольку при написании статьи у исследователей не было достаточных данных о характере его президентства [12, 374].

Таким образом, выделив окончательно группу из 31 президента, которые находились на своей должности, как минимум, два года, исследователи провели контент-анализ их выступлений, изучили их биографии, а также редакционные статьи в газете *New York Times*, опубликованные в день инаугурации (англ. *editorial charisma*). Эффективность лидерства измерялась на базе общего корпуса исторических фактов с использованием интерпретационной модели, модели приписывания, оценок, которые были сделаны группой историков, а также анализа президентских решений. В результате были получены данные, подтверждающие наличие должностной харизмы (нем. *Amtscharisma*), в частности, потребность во власти показывала хорошую корреляцию с уровнем харизматичности президентов, харизматическое поведение и частота кризисов были положительно связаны с их эффективностью, а харизматическое лидерство чаще всего было связано с президентами, которые занимали пост в недавнем прошлом [12, 395].

Необходимо подчеркнуть, что *публичность* харизматического лидера является одной из составляющих его харизматического имиджа. Публичный политик должен не только уметь говорить, но и слушать, поскольку он вынужден постоянно

реагировать на происходящее вокруг. Харизматический имидж политика во многом зависит от того, насколько ему удастся увлечь на свою сторону общественное мнение. Политический лидер не только работает, но и живет у всех на виду. Такой переход к публичности довольно тяжело дается современным политикам, если они не обладают достаточной степенью харизмы, поскольку все они являются выходцами из другой, непубличной среды и получили свои главные качества именно в непубличной сфере. Харизматический лидер должен, прежде всего, открыться обществу, которое ждет от него, что он будет слышать и слушать его, проявлять заботу о нуждах населения. Известно, что харизматичного Билла Клинтона избрали по той причине, что он был в состоянии проявлять заботу о населении, а не только потому, что он был сильным лидером, что, безусловно, тоже работало. На первое место в его признании вышел именно уровень заботы о других. Соответственно, такая установка определяет типы обращений, посланий, которые идут от лидера. Таким образом, для достижения максимального совпадения посылаемого сообщения с ожидаемым и для его дальнейшего восприятия как харизматического осуществляется искусственный процесс постоянной сверки говорения лидера с массовым сознанием, причем при написании текстов речей используются те же ключевые слова, которые уже были задействованы в социологических опросах. На основе такой подготовки происходит формирование состояния доверия приверженцев своему лидеру, которое является основополагающим в приписывании ему харизматических свойств [5].

Особую роль в формировании харизматического имиджа политика играет *мифологизация* его образа. Наличие мифов, описывающих события с участием определённого человека, существенно повышает его харизму. Как только предоставляются достоверные материалы по «мифическим» событиям, миф превращается в исторический факт и, соответственно, теряет львиную долю своей эффективности в способности влиять на людей. Действие харизматического типа взаимоотношений между лидером и его приверженцами требует соответствующей сцены и декораций, которые должны строго соответствовать патетике революционных событий.

Харизматический лидер должен придумать *ритуал*, с чем связано определенное театральное использование гербов, эмблем, гимнов, знамен и различных обрядов, а также выбор соответствующего исторического места (города, улицы, памятника, храма), на фоне которого будет исполняться этот ритуал. Таким харизматическим топосом может считаться Берлин, который обладает особой притягательной силой за счет его специфического статуса расколотого города и который особен-

ным образом повлиял на развитие и повышение харизмы, например, американского президента Джон Кеннеди. Так, в 1963 году Берлин посещает американский президент Джон Кеннеди и своей знаменитой фразой «*Ich bin ein Berliner*» выражает свою поддержку расколотому городу и его бургомистру Вилли Брандту. В результате, эффект харизмы усиливается у молодого президента, которая, в свою очередь, символически передается Вилли Брандту и «заражает» его.

Харизматический имидж президента формируется не только содержательной, смысловой, логической стороной его выступлений, воздействующей на сознание, но и *экстралингвальной*, действующей на подсознание слушателей [14]. В этом плане говорят о чарующем, гипнотическом, суггестивном воздействии речи и жестов харизматика, невольно склоняющих слушателя на сторону говорящего, вызывающем доверие и симпатию к словам оратора (А. Гитлер). Таким образом, имидж харизматического президента (Дж. Кеннеди, Б. Клинтон, Р. Рейган и др.) складывается из авторитетности личности, голоса оратора, решительности и убежденности его жестов и создает ту ауру власти, которая заставляет людей вслушиваться в то, что говорит этот человек, и ведет их за собой. Так, А. А. Прокопенко, исследуя когнитивно-коммуникативный аспект президентского дискурса Барака Обамы, делает вывод о том, что комплекс вербальных, невербальных и экстралингвальных средств формирует публичный имидж президента и определяет сложившийся в массовом сознании стереотипизированный позитивно оценочный эмоционально окрашенный образ Барак Обамы как *ситуативно-харизматика-центриста*, объединителя нации, миротворца, рационального политика, защитника прав женщин и социальных меньшинств. При этом дискурсивный портрет Б. Обамы включает такие компоненты, как эмоциональность речи, неспешная энергичность, чувство юмора, интерактивность и демократичность [7].

Если говорить об исторической обусловленности института президентства в Германии и Украине, то известно, что печальный опыт Веймарской республики привел к ослаблению функций федерального президента, который на сегодняшний день (в отличие от канцлера) не обладает полной властью, а выполняет протокольные функции, связанные с представлением Германии на международном уровне, аккредитацией дипломатов, а также помилованием заключенных. При этом, немецкий президент является моральным авторитетом для всей нации и может иметь решающее инспиративное значение в определенных ситуациях, как, например, Рихард Карл фон Вайцзеккер, который поднял тему искупления и назвал день капитуляции Германии и крушения нацист-

ского режима «Днем освобождения» (нем. *Tag der Befreiung vom menschenverachtenden System der nationalsozialistischen Gewaltherrschaft*), а также Йоханнес Рау, затронувший в своей последней речи в 2004 году острый вопрос о необходимости большей честности и ответственности в отношениях между политиками и бизнесменами.

В свою очередь, институт президентства в Украине приобрел стабильную форму высшей государственной власти только после 1991 года, когда Украина вышла из состава СССР и получила государственную независимость. Необходимо отметить, что титул президента использовался в период Украинской Народной Республики, провозглашенной во время Гражданской войны и просуществовавшей до 1919 года. По своим функциям украинский президент обладает большими исполнительными полномочиями, чем немецкий президент, при этом общим для них является наличие представительских функций и протокола инаугурации, включающего в себя, как правило, присягу и инаугурационную речь.

Дискурсивные особенности организации инаугурационного выступления президента Украины Петра Порошенко и президента Германии Йоханнеса Гаука обладают контрастным характером, связанным с личностными, политическими и лингвокультурными традициями данного жанра в Германии и Украине. Так, инаугурационное обращение пятого президента Украины Петра Порошенко после принятия им присяги стало самым обсуждаемым событием в публичном дискурсе Украины после второго Майдана. В выступлении Петра Порошенко содержались четкие месседжи о необходимости установления мира в Украине, плане нормализации ситуации на Донбассе, готовности продолжить евроинтеграцию страны и приверженность унитарному устройству государства. Выступление президента было достаточно эмоциональным и более тридцати раз прерывалось аплодисментами. Основными концептами, которыми оперировал П. Порошенко в своей инаугурационной речи, были МИР, ЄДНІСТЬ, ЄВРОПА, БОРЬТЬБА З КОРУПЦІЄЮ. Инаугурационный дискурс П. Порошенко характеризуется следующими особенностями: (1) интерактивный контакт с аудиторией, создание иллюзии живого диалога со всеми представителями расколотого парламента и, прежде всего, с оппонентами, например: *Саме європейський досвід підказує нам, що значну частину повноважень вже зараз треба делегувати з центру* [разворот всем телом к публике вправо, где сидит правительство, и использование назидательного «учительского» жеста правой руки] *місцевим органам влади* [громкие аплодисменты]; (2) экспрессивное просодическое оформление наиболее важных мест выступления, например, аннексия Крыма: *Росія окупувала*

Крим... який був, є і буде українським... Вчора під час зустрічі в Нормандії я саме так і сказав Президенту Путіну ... Крим є українським... І крапка!; (3) высокая интимизация всей атмосферы выступления с помощью шуток, например: *Але для цього треба знищити корупцію* [громкие аплодисменты]... *Нам потрібен загальнонаціональний антикорупційний пакт між владою та народом... Суть його проста... чиновники не беруть, а люди - не дають [громкий смех]*; (4) активное использование речесопровождающих и символических жестов, например, Порошенко с булавой как символ сильной власти [15].

Хотим підчеркнути, що в последнее время в немецком политическом дискурсе отмечается явное потепление к веберовскому харизматическому типу лидерства и возобновление поиска харизматических свойств у современных политических фигур, которые после периода национал-социализма находились под запретом и долгое время были исключены из позитивного арсенала риторических и аргументативных стратегий немецкого политика, и президента, прежде всего [11]. Сегодня автор биографии бывшего протестантского пастора ГДР утверждает, что Йохим Гаук неслучайно был избран на высокий президентский пост: именно его харизматические свойства, проявившиеся в воодушевленной апелляции к свободе и одновременной ответственности современных немцев, создают возможность вернуть уважение к посту президента и усилить важность его функции в обществе и государстве в целом [13].

В отличие от своего украинского коллеги речь немецкого одиннадцатого федерального президента Германии Йохима Гаука, который благодаря своей непреклонности, бескомпромиссности, неприязни прагматичной партийной и парламентской политики является для всех в Германии моральным авторитетом, а также общепризнанно велико-

лепным оратором, была лишена всякой патетики и эмоциональности, активной жестикуляции и ярких тональных перепадов. При этом, убежденность всей тональности выступления, его семантика, формируются двумя центральными харизматическими концептами – VERTRAUEN/ДОВЕРИЕ и VERANTWORTUNG/ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, которые для Й. Гаука являются неразрывными моральными основами в своем служении немецкому народу. Также перзуазивный эффект инаугурационного выступления Й. Гаука усиливается его опорой в финальной части своей речи на исторический авторитет Ганди («*Nach einem Wort Gandhis kann nur ein Mensch mit Selbstvertrauen Fortschritte machen und Erfolge haben. Dies gilt für einen Menschen wie für ein Land, so Gandhi*»). В качестве паравербальных средств выделения наиболее важных мест во своем инаугурационном обращении Й. Гаук активно использует паузальное членение, речесопровождающие кивки головой и акцентуирующие жесты правой руки. Общий темп произнесения спокойный, близкий к медленному.

Таким образом, делаем контрастный вывод о том, что немецкий президент Йоахим Гаук, обладающий гениальной харизмой, предпочитает выстраивать свою инаугурационную речь в формальном стиле перформативного монолога перед депутатами Бундестага, которые после двух громких отставок предыдущих президентов Хорста Келера и Кристиана Вульфа ждут от него укрепления авторитета поста федерального президента и возврата утраченного к этому посту доверия. Украинский президент Петр Порошенко, для которого харизма является инсценированным компонентом в его «революционном» имидже, в своих риторических стратегиях ориентируется на квеситимность, что является важным элементом создания иллюзии неформального диалога в условиях регламентированного ритуала инаугурации.

Литература

1. Гаврилова М. В. Политическая коммуникация XX века : учебное пособие / М. В. Гаврилова ; М-во образования и науки РФ, Невский ин-т языка и культуры. – Санкт-Петербург : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. – 92 с.
2. Гулей М. Д. Тематична характеристика загальноновживаної і стилістичномаркованої лексики в текстах політичних публічних промов (на матеріалі виступів французьких президентів П'ятої Республіки Жака Ширака й Шарля де Голля) / М. Д. Гулей // Вісн. Київ. нац. лінгвіст. ун-ту. Сер. Філологія. – 2003. – Т. 5. – №.1. – С.93 – 102.
3. Коваль І. О. Президентський дискурс: сутність, структура, функції, цілі / І. О. Коваль // Стратегічні пріоритети. – 2012. – № 3. – С. 158–164.
4. Кондратенко Н. В. Український політичний дискурс : Текстуалізація реальності : Монографія. – Одеса : Чорномор'я, 2007. – 156 с.
5. Петлюченко Н. В. Харизматика : мовна особистість і дискурс : монографія / Н. В. Петлюченко. – Одеса : Астропринт, 2009. – 464 с.
6. Потапенко С. І. Когнітивна риторика ефекту: в пошуках методу (на матеріалі інавгураційних звернень американських президентів Дж. Кеннеді і Дж. Буша) [Електронний ресурс] / С. І. Потапенко // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Сер. : Філологія. – 2012. – Т. 15, № 2. – С. 131–140.
7. Прокопенко А. А. Ключевые стратегии и тактики в президентском дискурсе Барака Обамы / А.А. Прокопенко // Філологічні трактати. – 2015. – Том 7, № 2. – Суми : СумДУ. – С. 116–122.
8. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Олег Владимирович Спиридовский ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 23 с.

9. Стрій Л. І. Функції ритуальних текстів в українській політичній комунікації (на матеріалі інавгураційної промови) / Л. І. Стрій // *The First European Conference on Social Science and Humanities; Proceeding of the Congress East West Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH.* – Vienna, 2014. – С. 114–119.
10. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса / Е. Й. Шейгал // *Жанры речи.* – 3. – Саратов, 2002. – С. 205–214.
11. Encke J. *Charisma und Politik: Warum unsere Demokratie mehr Leidenschaft braucht* / Julia Encke. – München : Hanser Verlag, 2014. – 176 S.
12. House J. Robert Personality and Charisma in the U.S. Presidency: A Psychological Theory of Leader Effectiveness / Robert J. House, William D. Spangler, James Woycke // *Administrative Science Quarterly.* – Vol. 36, No. 3 (Sep., 1991). – P. 364–396.
13. Joachim Gauck *Träume vom Paradies ; Biografie* / Verfasser: Legner, Johann. –München : Bertelsmann, 2014. – 382 S.
14. Nagel F. *Die Wirkung verbaler und nonverbaler Kommunikation in TV-Duellen : Eine Untersuchung am Beispiel von Gerhard Schröder und Angela Merkel* / Friederike Nagel. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften / Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden, 2012. – 328 S.
15. Petljutschenko N. *Geburt und Tod des Charismas: Maidan 2004 vs. Euromaidan 2014 (diskursive Besonderheiten der Appelle in der Antrittsrede von Petro Porošenko bei seiner Amtseinführung am 7. Juni 2014)* / N. Petljutschenko // *Одеський лінгвістичний вісник : зб. наук. праць; Національний університет «Одеська юридична академія».* – Вип. 4. – Одеса : «Видавничий дім «Гельветика», 2014. – С.336–341.
16. *Sprache. Macht. Denken : politische Diskurse verstehen und führen* / Hrsg./Bearb.: Brosda, Carsten. – Frankfurt [u.a.]: Campus Verl., 2014. – 308 S.
17. *Vom politischen Gebrauch der Sprache : Wort, Text, Diskurs ; eine Einführung*/ Hrsg./Bearb.: Schröter, Melani. – Frankfurt am Main [u.a.]: Lang, 2009. – 144 S.